

Николай БОГОМОЛОВ

Вячеслав Иванов между Римом и Грецией

Картина академических штудий Вячеслава Иванова к настоящему времени кажется более или менее выясненной. М. Вахтель опубликовал документы о его учебе в Берлинском университете, показав, что основным наставником и непосредственным научным руководителем его был не Т. Моммзен, как считалось ранее, а О. Гиршфельд¹. В недавно изданной переписке Иванова с И. М. Гревсом убедительно продемонстрирован как самим текстами писем, так и высококвалифицированными комментариями не только высочайший профессиональный уровень ивановских занятий историей древнего Рима, но и многие специфические черты этих занятий². Однако вторая его историческая специализация — древняя Греция с особым вниманием к ее религии — изучена гораздо менее, несмотря на то, что именно она сделала Иванова по-настоящему известным относительно широкой публике: «Эллинская религия страдающего бога», появившаяся в достаточно популярном петербургском журнале, оказалась едва ли не более значимой для читателей, чем первые поэтические книги автора.

Конечно, сама по себе концепция Иванова так или иначе осмыслилась любым исследователем, писавшим обобщающую работу о нем, но нельзя не сказать, что лакуны здесь видны невооруженным глазом.

Прежде всего, это относится к самим текстам: «Эллинская религия...» ни разу не была перепечатана со сколь-либо подобающим комментарием. Существуют экземпляры корректуры приготовленного самим Ивановым издания 1917 года, но они до сих пор обнародованы лишь в небольших фрагментах³. Не опубликованы сохранившиеся конспекты лекций Иванова в Парижской высшей школе общественных наук⁴. Известно, что в 1909 году он работал над примечаниями к книге — эти примечания не разысканы (возможно, утрачены во все). Таким образом, важнейший текст, фиксирующий ивановские исторические построения, фактически остается неизданным.

Не осмыслены должным образом источники знаний Иванова и объекты его полемики. Конечно, имя Ницше не мог миновать ни один автор статей и книг об Иванове, но практически всегда немецкий мыслитель воспринимается исключительно как философ, тогда как Иванов вряд ли случайно любил повторять характеристику Ницше, данную Вл. Соловьевым, — «сверхфилолог». Влияние именно филологической составляющей творчества Ницше на Иванова практически не изучено. Не описан метод, которым пользовался Иванов в работе над изучением греческой религии, мало известны и источники, которыми он пользовался⁵. Понятно, что в рамках одной небольшой статьи такие значительные темы не могут быть даже затронуты сколько-нибудь подробно. Что же мы предлагаем читателям?

Как и М. Вахтель в упомянутой в примечании 5 работе, мы отталкиваемся от подготовленной нами совместно (а также в сотрудничестве с Д. О. Солодкой) к печати переписки Иванова с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 1894–1903 годов, отразившей очень существенные моменты жизненной и творческой эволюции обоих корреспондентов. И в данной статье мы делаем попытку в самом кратком очерке уловить житнетворческий аспект перемены интересов Иванова в сфере науки об античности. При этом мы не склонны присоединяться к мнению авторитетных ученых, полагающих, что он «избывал в своем становлении сначала призвание историка римских правовых институтов, затем — историка греческой религии...»⁶ Мы исходим из того, что филологические занятия Иванова (а он уже в 1894 г. уверенно писал: «Филология есть именно “наука о классической древности” в ее полном объеме; при этом она не знает другого метода, другого угла зрения, кроме исторического»⁷) явились важнейшей составной частью его творческого сознания, в том числе и художественного. Как кажется, речь должна идти не об «избывании», но о трансформации науки в поэзию.

В самой ранней из известных нам автобиографий (1904) Иванов писал: «Весной 1901 г. я совершил поездку в Грецию, Палестину и Каир и остался в Афинах до весны 1902 г.; меня занимал вопрос о существе происхождения религии Диониса. <...> Весной 1903 г. я приглашен был прочесть какой-либо научный курс в русской Высшей школе общественных наук в Париже: я прочел 12 лекций о религии Диониса, излагая те выводы, которые уже намечались как остов задуманного мною нового исследования об этом предмете»⁸.

Более или менее очевидно, что здесь начинающий, в общем, поэт, не обладающий сколь-либо серьезной литературной репутацией, не решался еще подробно говорить о своих духовных поисках. Значительно более подробен он в известном «Автобиографическом письме» к тому же С. А. Венгеру: «В 1891 г. <...> я отправился в Париж с томиком Ницше, о котором начинали говорить. <...>

Властителем дум моих все полнее и могущественнее становился Ницше. Это ницшеанство помогло мне — жестоко и ответственно, но, по совести, правильно — решить представший мне в 1895 г. выбор <...> Встреча с нею <Зиновьевой-Аннибал> была подобна могучей весенней дионисийской грозе <...> И не только во мне впервые раскрылся и осознал себя, вольно и уверенно, поэт, но и в ней <...> Рима, однако, я не оставлял для эллинства и за почти годичное наше пребывание в Англии усердно собирал, в лондонском Reading-Room при Британском музее, материалы для исследования религиозно-исторических корней римской веры во вселенскую миссию Рима. Зато в Афинах, где я пробыл год, я уже всецело предаюсь изучению религии Диониса. Это изучение было подсказано настойчивою внутреннею потребностью: преодолеть Ницше в сфере вопросов религиозного сознания я мог только этим путем» (II, 19–21).

Направление эволюции своего творческого сознания Иванов намечает вполне уверенно, но обращает на себя то, что далеко не во всем он точен. Так, говоря о том, что только встреча с Зиновьевой-Аннибал по-настоящему открыла в нем поэта, он сам же себе начинает противоречить, рассказывая, как Вл. Соловьев одобрил и предлагал печатать его стихи, написанные по большей части до встречи с нею⁹. В Англии Ивановы пробыли не «почти год», а приблизительно 9 месяцев, но из них пользоваться читальным залом Британского музея Иванов мог не более двух с половиной месяцев: в конце августа 1899 г. они прибыли в Саутгемптон, 26 августа родилась дочь, так что к занятиям реально можно было приступить только с начала сентября; 15/27 ноября дочь скончалась, сразу же после этого Иванов заболел тяжелой формой гриппа, и с научной работой было покончено¹⁰.

Страдает хронологическими неувязками и еще одна автобиография Иванова, относимая к 1919 году: «...надолго <после 1896 года> расстаться с наукой я не мог и сначала принялся за неоконченное исследование об оракулах и сивиллинских пророчествах, влиявших на развитие римской государственной идеи до Августа и при Августе, а потом — под импульсом Ницше — за изучение Дионисовой религии»¹¹, и далее он упоминает в этой связи перевод Пиндара, сдвигая его на год ранее реального. Здесь компрессия жизненных событий достигает едва ли не наиболее значительной степени, как мы будем иметь случай показать далее.

На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, хронологически выверенное перемещение интересов Иванова из одной сферы в другую, как кажется, можно выстроить следующим образом.

«В 1891 г., отбив в Берлине девять семестров» (Иванов, II, 19), Иванов отправляется в Париж, в уже оттуда, весной 1892 года, — в Италию. То, как он оттягивает основательное знакомство с Римом,

наглядно свидетельствует, что пребывание в городе, который являлся центром всего, подлежащего изучению в его диссертации, рассматривалось как кульминационный и одновременно завершающий период всей работы¹². Однако волею судьбы Рим стал местом начала нового этапа его жизни: 16 июля 1894 г. лунной ночью он вместе с Зиновьевой-Аннибал был в Колизее и надел ей на голову плющевый венок. Этот день навсегда остался в памяти у них обоих. В конце лета Ивановы перебираются из Рима во Флоренцию, однако в канун нового 1895 года глава семьи, уже один, снова возвращается в Рим, чтобы завершить диссертацию. И снова в его жизнь вторгается Зиновьева-Аннибал, приезжая туда, чтобы на этот раз окончательно связать судьбы.

Дважды стремление к завершению научных исканий прерывается вторжением новой любви, однако Иванов словно не хочет поддаваться искушению. В конце 1895 и начале 1896 года он уже вполне условливается обо всех этапах завершения работы: получает согласие не слишком доброжелательного Моммзена отрецензировать диссертацию, обговаривает процедуру и объем знаний для предварительного экзамена, выясняет и улаживает административные подробности и после этого уезжает в Париж готовиться к экзамену, прихватив с собой пять томов книги Моммзена «Римское государственное право». Но и через год, на грани 1896 и 1897 гг., имев неплохую возможность поработать в Париже, он снова находится в том же положении: снова визиты к Гиршфельду и Моммзену, снова назначение даты экзамена, сговор о печатании книги и пр.¹³

Однако затем наступает темный для исследователей период: процесс развода Зиновьевой-Аннибал вступает в решающую стадию, свидетельства о ее совместной жизни с Ивановым могут разрушить все усилия, и Ивановы скрываются так, чтобы их было невозможно найти. С осени 1897 до конца 1898 года они с детьми живут в крошечном городке Аренцано около Генуи, потом поселяют детей и временами сами живут под Неаполем... Ясно, что никакая систематическая научная работа в таких условиях вестись не могла. Однако вовсе не исключено, что мысли о перемене научной темы могли зародиться у Иванова именно тогда¹⁴.

В письме, по-гоголевски датированном: «День был без числа» (мы полагаем, что на самом деле это было 23 ноября / 5 декабря 1901 г.) Иванов сообщал М. М. Замятниной: «Сегодня вечером подсчитывал итоги прожитых лет и нашел, что научно бездействую 5 лет с половиной, за вычетом недель (плодотворных) в милом нашем Reading Room. Поэтому научный возраст мой определяется формулой $n - 5 \frac{1}{2}$ (где n — число лет жизни). Утешаюсь, как видите. Потому что имею ощущение, будто проснулся и не знаю, сколько времени и отчего же столько спал»¹⁵.

И здесь перед нами возникает вопрос, чем же Иванов занимался в эти недели (или месяцы) в Лондоне, и что потом обдумывал, уже лишенный возможностей для занятий, на берегу моря в небольшой Корнуолльской деревушке. Отчасти на этот вопрос дают ответы его письма к М. М. Замятниной этого времени.

В недатированном осеннем письме к М. М. Замятниной, уезжавшей из Лондона в Россию, Иванов писал: «...вот вам поручение, исполнение которого мне крайне важно для настоящей моей работы. Зайдите в Берлине в Университет с главного подъезда <...> и, позвонившись у *Ober-Pedell*»я<...>, спросите у него или его жены так: “*das lateinische Verzeichniss der Vorlesungen für den Winter 1892/3 achtzehn hundert zwei und neunzig — drei und neunzig haben?*” И если нет, то добудьте мне его, где хотите, — зайдите в какой-нибудь богатый книжный магазин близ Университета (сзади) или на *Unter den Linden* (или *Mayer & Müller, Behrenstr.* против *Kgl. Bibliothek*) или еще куда, и купите *INDEX LECTIIONUM, Universität Berlin, lateinisch, Winter 1892/93*, или велите *немедленно* выслать по моему адресу. А также кстати *Index* и за последние два-три года, по два выпуска в год, *по латыни*. Дело в том, что *Index* включает филолог<ическое> предисловие *Vahlen*»а, здесь его за последние годы нет, а в *Index 92/93* г. помещена статья, как раз трактующая то, чем я занят, и, *как я боюсь*, антиципирующая мои результаты. Поняли, Марусенька?»¹⁶

Как кажется, именно здесь мы можем увидеть указание на все те еще римские интересы, о которых Иванов писал в «Автобиографическом письме», цитированном выше. Но это последнее из нам известных свидетельств таких интересов. Трудно удержаться от искушения связать перелом (если он действительно состоялся в предполагаемое нами время) со смертью крошечной дочери Елены. На следующий день после ее смерти Иванов сделал приписку к письму Зиновьевой-Аннибал к Замятниной: «Дорогая Маруся, мы не знали до сих пор, какую ценность для нас и какую над нами силу может приобрести маленький младенец. [Его трагедия <?>] Событие это — что-то особенное и чрезвычайное. Чувствуем руку, нас ведущую, — куда? Любя и плача, учимся верить — и надеяться...»¹⁷ Ощущение водящей руки вполне могло вызвать стремление трансформировать всю свою нынешнюю жизнь.

Как мы уже говорили, после смерти дочери Иванов тяжело заболел и по настоянию доктора они с Зиновьевой-Аннибал перебрались к морю. 28/15 марта 1900 г. он писал Замятниной: «§ 1. Если у вас в библиотеке есть *Roscher*»s *Mythologisches Lexicon*, то может случиться, что получен и 39-й выпуск его (продолжение буквы N); последний выпуск, который я видел, кончается *NIKE* и вышел в 1898 году. <...> будьте столь сердечно- и товарищески-добры и выпишите мне оттуда

статью NIOBE (если длинна, пропустите отдел “Niobe in der Kunst”). В Публичную библиотеку не прошу обращаться, потому что не знаю даже наверно, есть ли 39. Lieferung. В университетской библиотеке <Rocher>s Lexicon должен быть, и то, о чем прошу, очень для меня важно. § 2. Во всяком случае, перепишите мне, пожалуйста, статью *Niobe* из Pauli's Real-Encyclopädie des classisches Altertums. Это старая, но хорошая энциклопедия (новое переиздание еще далеко не достигло N <...>. § 3. Поручение тонкое и эсotericическое. Если в статьях о Ниобее найдется что-нибудь об отношении мифа Ниобеи к *Дионису*, то не сможете ли Вы выискать и выписать мне те места древних авторов (в подлинном тексте), на которые делается ссылка. Напр., Hug. Fab. = Hugini fabulae и т. п. — возьмите их и отыщите данное место: дело будет идти лишь о нескольких строках. — *Скорым*, немедленным исполнением этого поручения, необходимого для текущей работы, очень тронете и обяжете»¹⁸.

1/14 апреля та же тема развивается: «Пожалуйста, обратите внимание (вам же и для немецкого языка полезно обратить внимание на содержание переписываемого) на пункт об отношении мифа о Ниобее к *Дионису-Вакху*, если есть что об этом важном для меня чрезвычайно в вопросе. И тогда выпишите, повторяю, подлинный текст, на который ссылаются. <...> я имею даже большое искушение попросить вас взять “August Nauck, Fragmenta Tragicorum Graecorum” и выписать сохранившиеся фрагменты из трагедии “Ниобея” (Niobe, Νιόβη) *Эсхила* (Aeschylus) и таковой же *Софокла* (Sophocles). <...>

P.P.S. И еще забыл попросить вас *прочесть* у Roscher'a Niobe in der Kunst (*но не* выписывать!!!) — и в случае, если натолкнетесь на имя Dionisos и т. п., выписать об отношении *Ниобеи к Дионису*»¹⁹.

И последняя цитата того времени — из письма от 25/12 апреля: «Видите ли, этот ваш труд я должен был бы сделать сам, но мог только гораздо позднее, когда усядусь в Лондоне, например, а между тем дело было неотложное. Поясню вам, что дело идет о большом художественном труде, уже начатом; но не только подвигать его вперед, но и (что еще важнее) установить его план и даже решить, *возможен* ли он и верна ли его основная идея, нельзя было, не имея под рукой известного филологического материала. И без того пришлось все почти предугадывать и предчувствовать, и принимать как бы данным a priori; вот почему говорю, что сообщаемое вами мне драгоценно: теперь знаю, что план я начертал правильно, и правильно начал, мой поэтический и филологический такт оправдан, ведение дела дальше возможно, и помимо всего того, я обогащен превосходным материалом, которым буду пользоваться на каждом шагу. “Ниобея”, конечно, не предназначается для сборника, а для отдельного издания; но помните, что все это — *секрет*»²⁰.

Напомним, что неоконченная трагедия «Ниобея» (как пронизательно заметил Г. М. Кружков, психологически связанная с горестными событиями в жизни четы Ивановых) должна была стать частью драматической трилогии, в предисловии к которой автор писал: «Идея Диониса, являющаяся для автора разрешением и последним словом трилогии, как и разрешающим словом запросов современности, могла быть выражена наиболее просто и подлинно только в образах той мифологии, которая впервые ввела ее в религиозно-нравств^{енное} сознание человечества»²¹.

Но все же окончательно фиксируется переход интереса Иванова-ученого к Древней Греции годом позже, в 1901 году, когда он отправляется в Афины. И показательно, что в открытке, написанной по дороге туда 27 февраля / 12 марта Зиновьева-Аннибал рассказывала Замятниной про Рим: «Мы остановились не только в той же гостинице, но в той же комнате, что и 6 лет тому назад. Мы были бесконечно счастливы, но вчера Вяч. на концерте Палестрины (где мы стояли) сломился и громко разрыдался, потом весь вечер рыдал дома, отказываясь от Греции, настаивая на том, чтобы ехать домой, желая лишь отречения в жизни. Он боится за *здоровье Веры* и из-за нее не имеет покоя»²². Конечно, внешняя причина кризиса могла быть уловлена Зиновьевой-Аннибал верно, но у нас почти нет сомнения, что сам перелом, окончательный выбор давался Иванову нелегко, и его рыдания были связаны с живым переживанием прошедшего и ясным пониманием того, что будущее станет совершенно иным. Вряд ли случайно писал он И. М. Гревсу: «О внутреннем содержании жизни скажу только, что мое неофитство (разумею обращение к эллинской древности и, в частности, к истории религии) дается мне трудно, что передо мной, грозя, открываются дали за далями, что покамест "ничего в волнах не видно" ...»²³

Но чрезвычайно характерно, что историей религии он начал заниматься как настоящий ученый: «...изучал топографию, музеи, надписи по камням (под руководством Дерпфельда и Вильгельма) и в библиотеке Германского Археологического Института собирал материалы по истории Дионисова культа»²⁴ Письма показывают, что занятия Иванова археологией и эпиграфикой были весьма серьезными и заслужили одобрение опытных специалистов. Но цель их была, как свидетельствуют довольно многие оговорки автора, уже совсем иной: не научные разыскания, а разрешение вопросов религиозного сознания и художественное творчество.

